

К 250-ЛЕТИЮ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В.О. КОВАЛЕВСКИЙ (1842—1883)

Деятельность великого отечественного ученого-палеонтолога Владимира Онуфриевича Ковалевского в Московском университете, которого профессор Г.Е. Щуровский, уходя в 1880 г. в отставку с поста заведующего кафедрой геогнозии и палеонтологии, рекомендовал избрать своим преемником, справедливо считая самым достойным продолжателем своего дела, в силу трагических обстоятельств оказалась непродолжительной (с 1881 г. до начала 1883 г.). Щуровский имел веские основания остановить свой выбор на В.О. Ковалевском, поскольку, внимательно следя за его работами, появившимися в первой половине 70-х годов [12], оценил его блестящий талант исследователя и прогрессивные теоретические воззрения эволюциониста, развивающего на материале палеонтологии позвоночных, в частности копытных млекопитающих, близкие Щуровскому идеи Дарвина [14]. Щуровскому импонировала также многолетняя просветительская издательская деятельность Ковалевского, обогатившего отечественную научную литературу множеством изданий выдающихся зарубежных ученых, редактором или переводчиком многих из которых он был.

Щуровский содействовал распространению научных достижений Ковалевского в России: из 6 его научных работ, увидевших свет в России, 3 работы [8, 9, 11] были опубликованы в 1874—1875 гг. в «Известиях общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», учредителем и председателем которых был Г.Е. Щуровский. В 1880 г. по его рекомендации кандидатура магистра Ковалевского была представлена к избранию на штатную должность доцента кафедры геогнозии и палеонтологии физико-математического факультета (на должность профессора он не мог претендовать, так как не имел российской степени доктора). В.О. Ковалевский 20 декабря 1880 г. был единогласно избран на эту должность Советом Московского университета, а 3 января 1881 г. утвержден в этом звании и должности. Перед ним, казалось бы, открывалась перспектива для научной и педагогической деятельности в любимой им области естествознания, о которой он мечтал многие годы и притом в лучшем университете России. Увы, на деле все оказалось иначе.

Остановимся на жизненном пути В.О. Ковалевского, его научных достижениях и трагическом конце, которые обстоятельно описаны в научных монографиях акад. А.А. Борисяка [3], чл.-кор. АН Грузии Л.Ш. Давиташвили [5] и популярной биографической книге С.Е. Резника «Владимир Ковалевский (трагедия нигилиста)» [6]. К ним мы отсылаем читателей, желающих подробнее ознакомиться с личностью и судьбой этого замечательного ученого и человека.

Владимир Онуфриевич Ковалевский родился в 1842 г. в семье мелкопоместного дворянина Витеб-

ской губернии, обрусевшего польского шляхтича Онуфрия Осиповича Ковалевского. Родители поместили его в частный пансион англичанина Мегина в Петербурге, где он основательно изучил английский, немецкий и французский языки (польский и русский были его родными языками), а в тринадцать лет (в 1855 г.) его приняли сразу в 6-й класс привилегированного закрытого Петербургского училища правоведения (в училище обучение было семилетним, а нумерация классов начиналась с выпускного класса). Одновременно с ним в Петербурге — сначала в Корпусе инженеров путей сообщения, а с 1854 г. на естественном отделении физико-математического факультета университета — учился его старший брат и самый близкий ему человек Александр Онуфриевич Ковалевский, в будущем знаменитый зоолог и эмбриолог, член Российской академии наук.

Живя в Петербурге, братья поддерживали самые тесные отношения, насколько позволял почти казарменный режим училища, особенно ужесточившийся в последние годы пребывания в нем Ковалевского, что сильно тяготило и отвратило его от карьеры юриста. В последние годы пребывания в училище Владимир вошел в кружок молодых друзей Александра, среди которых были студенты-естественники, будущие видные «шестидесятники»: поэт и публицист

М.Л. Михайлов, Н.В. и А.П. Шелгуновы, братья Н.М. и А.М. Сёрно-Соловьевичи и другие. В доме одного из участников кружка Владимир познакомился с Н.Г. Чернышевским. Братья Ковалевские, как и их друзья, считали себя нигилистами. В последние два года пребывания Владимира в училище, когда его отец лишился возможности оплачивать учебу, он сам с большим трудом добился казенной стипендии и с 16-ти лет подрабатывал переводами иностранных книг и статей. Писатель П.Д. Боборыкин вспоминал, что еще в бытность студентом училища Владимир “поражал своей любознательностью, легкостью усвоения всех наук, изумительной памятью, бойкостью диалектики (при детском голосе) и необычайной склонностью участвовать во всяком движении” [2], юриспруденция интересовала его значительно меньше, чем естествознание.

Весной 1861 г. восемнадцатилетний Ковалевский окончил Училище правоведения по первому разряду и был определен в Департамент герольдии Сената, но, обзаведясь медицинским свидетельством о заболевании легких, получил отпуск по болезни и уехал в Германию, где с 1860 г. в Гейдельбергском и Тюбингенском университетах завершал свое образование его брат Александр. Помимо немецких городов В.О. Ковалевский посетил ряд городов Швейцарии, Франции и более года провел в Лондоне, где познакомился с А.И. Герценом и его семьей и давал уроки его младшей дочери Ольге. Здесь он часто встречался с русскими политическими эмигрантами, в том числе с Н.П. Огаревым и М.А. Бакуниним, однако в революционной деятельности непосредственно не участвовал. В то время он еще не предполагал поставить крест на своей юридической карьере и работал в лондонских библиотеках, посещал судебные процессы и даже писал статью об английском суде присяжных.

Весной 1863 г. В.О. Ковалевский вернулся в Петербург, где за время его отсутствия произошли печальные события: был арестован и осужден на каторжные работы в Сибири М.Л. Михайлов, а за попытку облегчить его судьбу заточен в Петропавловскую крепость Н.В. Шелгунов; подвергся аресту, суду, церемонии гражданской казни и сослан на долгие годы в Сибирь Н.Г. Чернышевский, выслали в Тобольскую губернию и друга В.О. Ковалевского Е. Михаэлиса.

Сначала В.О. Ковалевский намеревался стать врачом и начал изучать анатомию в Петербургской медико-хирургической академии, а в дальнейшем предполагал завершить медицинское образование в одном из западноевропейских университетов. Вскоре он познакомился и подружился с молодым ученым — будущим великим физиологом И.М. Сеченовым.

Когда в Польше в середине 1863 г. вспыхнуло национально-освободительное восстание, вызвавшее неоднозначную реакцию в российском обществе, сочувствие В.О. (напомним, поляка по отцу) оказалось на стороне повстанцев, и он нелегально ненадолго уезжал в Польшу, чтобы оказать помощь своему ра-

ненному в боях другу — отставному русскому офицеру П. Якоби.

Вернувшись в конце 1863 г. в Петербург, В.О. изменил свои планы и решил заняться просветительской деятельностью, сотрудничая в качестве редактора и переводчика в книжном издательстве, выпускавшем труды по естественным и гуманитарным наукам крупных зарубежных ученых и литераторов. Первоначально предполагалось, что издавать переводную литературу он будет совместно с товарищем по Училищу правоведения князем Голицыным, которому принадлежала типография (вскоре, однако, перешедшая в другие руки), а в дальнейшем — с видным публицистом левого направления В.А. Зайцевым. С ним и его семьей В.О. сначала тесно сблизился, однако вскоре на личной почве между ними произошла размолвка, сыгравшая впоследствии весьма неприятную роль в жизни Ковалевского. Он прекратил отношения с кружком В.А. Зайцева, и вся тяжесть работы по издательству легла на его плечи.

В течение нескольких лет В.О. Ковалевский увлеченно, с большим размахом и энергией, не обладая ни наличным капиталом, ни собственной типографией, не вылезая из долгов, рискуя оказаться банкротом, переводил, редактировал и выпускал из печати множество книг, которыми зачитывалось культурное русское общество, в особенности студенческая молодежь. Всего при участии Ковалевского было опубликовано около 70 книг по зоологии, ботанике, анатомии, физиологии, медицине, геологии и географии, химии и физике, антропологии и истории, по истории науки и культуры, философии и пр. Среди этих книг были первые или даже единственные, полностью или частично переведенные Ковалевским многотомные издания классических трудов Ч. Дарвина (“Происхождение видов” и др.), А. Брэма (“Жизнь животных”), Ч. Лайеля (“Руководство к геологии” и др.), Л. Агассиса (“Геологические очерки”) и других авторов. Ему удалось, усыпив бдительность цензуры, напечатать роман А.И. Герцена “Кто виноват?” без фамилии автора. Работая над переводом и изданием трудов Дарвина, Владимир Онуфриевич ездил в Англию и лично познакомился в Дауне с этим великим ученым. Главный труд Дарвина “Происхождение видов” в переводе Ковалевского и под редакцией И.М. Сеченова впервые вышел в русском издании одновременно с английским. Основой научного мировоззрения В.О. до конца жизни стал дарвинизм. Переводя и редактируя множество книг, он постоянно углублял и расширял свои знания в биологии, геологии и других естественных науках.

В первые годы издательской деятельности В.О. поддерживал связи с “шестидесятниками” как в Петербурге, так и в эмигрантской среде. В конце 1864 — начале 1865 г. он ездил в Женеву на съезд русских политэмигрантов, на котором, по-видимому, представлял петербургские нелегальные кружки. Летом и осенью 1866 г. он в качестве корреспондента “Санкт-Петербургских ведомостей” участвовал в национально-освободительном походе Гарибальди

против австрийского владычества в Италии и близко познакомился с этим выдающимся человеком, затем проехал из Ломбардии в Неаполь, где встретился со своим братом Александром и его другом И.И. Мечниковым. Они проводили здесь эмбриологические исследования и тесно общались с М.А. Бакуниным и другими русскими политэмигрантами.

На обратном пути в Россию В.О. неожиданно встретился в Женеве с А.И. Герценом, который “в лоб” заявил Ковалевскому, что его подозревают в шпионстве и тайных связях с российской охранкой. Аргументом было то, что во время арестов и репрессий в отношении лиц, замешанных в революционном движении, в частности после неудачного покушения Каракозова на Александра II в апреле 1866 г., В.О. удалось избежать преследования. Хотя этот клеветнический слух, в который первоначально склонны были поверить Бакунин, Мечников и некоторые другие друзья В.О., не получил подтверждения, но ему не удалось “докопаться” до его источника. Лишь 13 лет спустя, в 1879 г., этот гнусный слух был “озвучен” без упоминания объекта клеветы в анонимной статье “Нечто о шпионах” в русской женевской газете “Общее дело”. Впоследствии выяснилось, что автором этого пасквиля был упоминавшийся выше В. Зайцев, очевидно, именно он распустил в 1866 г. порочащий честь В.О. слух. Глубоко уязвленный этим Ковалевский навсегда прервал отношения с участниками революционных кружков в России и ограничил свое общение с лицами, имевшими отношение к его издательской работе, только деловыми контактами. Исключение составляли семьи И.М. Сеченова и брата Александра, с которым его связывала постоянная переписка и встречи во время зарубежных поездок.

В начале 1868 г. в Петербурге, в доме общей знакомой — Надежды Суловой — В.О. Ковалевский познакомился с дочерьми отставного генерал-лейтенанта В.В. Корвин-Круковского, который, живя в своем витебском имении, отправлял их — старшую Анну и младшую Софью — на зиму в столицу погостить у тетушек. Эта встреча сыграла важнейшую роль в судьбе молодых людей. Прекрасно воспитанные, получившие домашнее образование, начитанные миловидные девушки — литературно одаренная Анна, которой Ф.М. Достоевский предрекал большое литературное будущее, и интересовавшаяся естественными науками и медициной Софья — мечтали продолжать образование, но в условиях тогдашней России это было невозможно. Обаятельный известный книгоиздатель и просветитель Ковалевский, к тому же близкий знакомый Герцена, Бакунина, Гарибальди, Дарвина и других знаменитых современников, произвел на обеих, особенно на Софью, очень сильное впечатление, впрочем, как и они на него. Вскоре по взаимному согласию у молодых людей возник план заключить фиктивный брак между Владимиром Ковалевским и Софьей, что могло бы помочь сестрам освободиться от родительской опеки и уехать всем троим за границу для продолжения образования.

В духе популярных в российской демократической среде того времени идей, получивших отражение в романе Чернышевского «Что делать?», В.О. Ковалевский видел в своей будущей семье ядро свободного трудового братства, основанного на общности идеалов и взаимной дружеской привязанности. Предполагалось, что в эту общину войдут также их подруга Н. Сулова, И.М. Сеченов и его гражданская жена М.А. Бокова. Впрочем, вскоре о “братстве” было забыто, и стали намечаться более реалистичные планы.

Благодаря тщательно продуманному и отлично разыгранному сценарию в течение весны, лета и осени 1868 г. Владимиру и Софье — при активном содействии ее сестры — удалось инсценировать фактически уже давно состоявшиеся знакомство Софьи и В.О. в Петербурге. В результате ее родители пригласили В.О. посетить их в витебском имении и, наконец, скрепя сердце, дали согласие на брак. После венчания, состоявшегося 15 сентября 1868 г. в имении Корвин-Круковских Палибине, Ковалевские поселились в Петербурге и на следующий же день после переезда Софья Ковалевская начала посещать лекции И.М. Сеченова в Петербургской медико-хирургической академии. Кроме того, она готовилась к сдаче экзаменов за весь гимназический курс. А В.О. Ковалевский был озабочен организацией ее академических занятий, которые женщинам официально не дозволялось посещать, а также завершением своих издательских дел.

Выяснилось, что его долги по книгоизданию составляют около 20 тысяч рублей, тогда как стоимость нераспроданных книг достигает 100 тысяч, но расходились книги очень медленно, так как большинство потенциальных читателей — люди малосостоятельные или почти нищие. Заканчивая выпуск уже подготовленных к изданию переводных книг, В.О. искал новых изданий, а реализацию нераспроданной литературы поручил своему сотруднику Евдокимову и книготорговцу Черкесову, которые должны были выплачивать долги кредиторам и высылать ему деньги на жизнь.

Слухи о том, что Ковалевский собирается свернуть свои издательские дела и покинуть Петербург, сильно обеспокоили кредиторов, однако тесть генерал Корвин-Круковский поручился за него в Обществе взаимного кредита.

Между тем Ковалевский готовился к отъезду за границу, где намеревался заниматься в западноевропейских университетах геологией и связанными с ней науками, которые он знал относительно хорошо, хотя и неравномерно, а если удастся, то через полтора-два года держать экзамены на степень доктора, а затем в России — на степень магистра.

За полгода напряженных занятий в Петербургском университете и Медико-хирургической академии Софья Ковалевская убедилась, что медицина не ее призвание, она еще больше увлеклась математикой. С огромным трудом Софье и Анне удалось добиться от родителей согласия отпустить Анну на некоторое время за границу с Ковалевскими для совместной жизни и учебы.

Наконец, 15 апреля 1868 г. Ковалевские выехали из Петербурга в Вену, а оттуда вскоре в Гейдельберг, где в знаменитом университете Софья приступила к занятиям по математике, а Владимир — по химии, физике, зоологии, ботанике, минералогии, кристаллографии и геологии. В следующем — зимнем — семестре, который Ковалевский провел уже в Мюнхенском университете, где находился самый большой палеонтологический музей в Европе с отличной библиотекой, он увлекся палеонтологией, чему способствовало доброжелательное отношение знаменитого мюнхенского палеонтолога Карла Циттеля. Здесь постепенно сфокусировалась сфера научных интересов Владимира Онуфриевича: историческая геология и палеонтология как история органического мира. Он значительно пополнил свою большую коллекцию, содержащую около тысячи отличных образцов ископаемых остатков палеозойских, а главным образом мезозойских и кайнозойских организмов, определил их и углубился в изучение стратиграфической и палеонтологической литературы. Он проявил поразительную работоспособность и настойчивость и, почти не посещая лекций, как правило, проводил утро и большую часть дня в палеонтологическом музее, а вечер и большую часть ночи — дома за чтением геологической литературы. Из Мюнхена он выезжал на геологические экскурсии в Италию и Францию, в мае 1870 г. в Вюрцбургском университете изучал пресноводных моллюсков, а затем исследовал характер пресноводных отложений от середины мела до миоцена, распространенных на юге Франции вблизи Марселя.

В начале разразившейся в июле 1870 г. франко-прусской войны Ковалевские перебрались в Лондон. Здесь, изучая богатейшие коллекции Британского музея, В.О. сосредоточился на систематике моллюсков, а затем переключился на изучение ископаемых млекопитающих, рептилий, амфибий и рыб. В октябре на о. Уайт, у южного побережья Великобритании, он ознакомился с классическими разрезами пресноводных и морских отложений от низов мела до верхнего эоцена. В начале ноября того же года Ковалевские переехали в Берлин, где В.О. штудировал в Королевской библиотеке труды Кювье, Оуэна, Годри по остеологии древних позвоночных и изучал зоологические и палеонтологические коллекции музеев Берлинского университета, а Софья Васильевна, поскольку учиться женщинам в Берлинском университете запрещалось уставом, стала личной и любимой ученицей знаменитого математика Вейерштрасса, который смог оценить ее отличные знания и математический талант.

Углубляясь в вопросы палеонтологии позвоночных, Ковалевский убеждался в том, что их изучение может в ближайшее время дать более важные результаты для понимания основных проблем развития органического мира, чем исследование ископаемых моллюсков и других беспозвоночных. Особенно интересовали его ископаемые млекопитающие, остатки которых широко распространены в кайнозойских

отложениях, но были почти неизвестны в меловых, в основном представленных в Европе морскими фациями. Но Ковалевскому было очевидно, что “корни основных групп млекопитающих следует искать в мезозое”, и потому он уделял пристальное внимание исследованию разрезов пресноводных отложений низов мела в южных районах Англии (Вельд) и верхнего мела на юге Франции и в других регионах. Таким образом, через полтора года после начала систематического изучения естественных наук, к зиме 1870—1871 гг., Ковалевский понял, что его призвание — палеонтология и эволюция органического мира в ходе развития Земли, что главным объектом его предстоящих исследований должны стать ископаемые позвоночные и прежде всего млекопитающие.

В конце зимы и весной 1871 г. Ковалевские вынуждены были дважды прерывать научные занятия в Берлине и отправляться в Париж. Дело в том, что вскоре после отъезда за границу Анна вышла замуж за молодого французского революционера-бланкиста Виктора Жаклара. После поражения Франции в ходе франко-прусской войны он участвовал в неудачной попытке низложить французское правительство, и ему грозило самое суровое наказание. Когда в конце декабря 1871 г. было заключено перемирие и возникла возможность попасть в оккупированный пруссаками Париж, Ковалевские устремились туда, встретились с Анной и условились, что в ближайшее время она вместе с Софьей отправится в Россию. Но 18 марта в Париже вспыхнуло народное восстание против капитулянтского правительства Тьера, была провозглашена Парижская коммуна, доступ в мятежную столицу Франции вновь был блокирован пруссаками и версальцами, тревога Ковалевских за судьбу Анны удвоилась; 5 апреля им удалось проникнуть в окруженный город и снова встретиться с Анной и Жакларом, являвшимся одним из руководителей Национальной гвардии. Более месяца Ковалевские провели в Париже и были очевидцами и участниками бурных перипетий героической Парижской коммуны. Но В.О. использовал пребывание в Париже и для работы в знаменитом со времен Бюффона, Ламарка, Кювье и Сент-Илера Национальном музее естественной истории, в его старинной библиотеке и лабораториях он тесно общался с его ведущими сотрудниками — проф. П. Жерве, А. Годри и другими.

Вторично покидая Париж, Ковалевские наделись, что коммуна продержится еще несколько месяцев, но развязка наступила через две недели и завершилась в конце мая 1871 г. разгромом Парижской коммуны, террором и массовыми расстрелами коммунаров. И уже 10 июня, как только стал возможен доступ в Париж, Ковалевские были там, нашли Анну, отправили ее из Франции и стали хлопотать о Жакларе. Сперва ему удалось скрыться, но затем он был задержан и содержался в Версальской тюрьме в ожидании приговора, скорее всего, его ждала многолетняя ссылка в Новую Каледонию. В.О. Ковалевский, со свойственной ему отзывчивостью, был готов сопровождать Жаклара с Анной и остаться с ними

на этом далеком острове. Вскоре в Париж приехали родители Корвин-Круковские и старый генерал, знакомый с Тьером еще с давних времен, добился у него аудиенции. В результате режим содержания Жаклара в тюрьме был облегчен, а вскоре ему, вероятно, при содействии В.О. и с его паспортом удалось бежать и скрыться.

Вопрос об отъезде Ковалевского в Новую Каледонию отпал, он смог возобновить исследования третичных млекопитающих в Парижском музее естественной истории. Работавший в этом музее палеонтолог проф. Ларте в течение многих лет собирал в Южной Франции богатейшую коллекцию костей ископаемых третичных млекопитающих, но он умер во время осады Парижа. Поэтому предложение В.О. Ковалевского продолжить его работу было принято ведущими учеными музея. Тогда В.О. еще не предполагал, что изучение коллекции Ларте, в частности, почти полного скелета древнего копытного млекопитающего, по строению отдаленно напоминающего лошадь и названного немецким палеонтологом Г. фон Майером анхитерием позволит сделать замечательные научные открытия: обнаружить переходные формы, преемственно связывающие древнего предка лошади (впервые описанного Кювье палеотерия) через промежуточные звенья (одним из которых является анхитерий) с одним из его потомков — гиппарионом и, наконец, с современной лошастью. Ковалевский, таким образом, привел едва ли не самое убедительное в то время доказательство справедливости эволюционного учения Дарвина, показав, как в ходе эволюции, в процессе приспособления к условиям жизни изменялись взаимосвязанные особенности строения этих копытных животных, в частности элементы ног и пальцев на них: большая часть последних постепенно отмирала, пока на каждой ноге не оставался единственный, но сильно разросшийся средний палец с мощным “ногтем” — копытом, и выработывалась конструкция, наиболее благоприятствующая быстрому бегу лошади. Анализ процесса эволюции копытных млекопитающих позволил Ковалевскому выявить в нем ряд закономерностей; в частности, ему удалось разграничить явления инадаптивной и адаптивной редукции конечностей у парнокопытных и непарнокопытных, а шире — установить закон об инадаптивном и более адаптивном (или относительно менее адаптивном и более адаптивном) типах эволюционного развития, применимый как к позвоночным, так и к беспозвоночным животным, а также к растительному миру.

Работа Ковалевского по изучению анхитерия, его места и роли в эволюции копытных шла настолько успешно, что ему не хотелось бросать ее на половине. Поэтому, когда Софья Ковалевская решила вернуться в Берлин и возобновить математические занятия с проф. Вейерштрассом, В.О. остался на некоторое время в Париже для завершения работы над монографией, которую он намеревался защищать в Западной Европе как докторскую диссертацию, а затем в качестве магистерской диссертации в России. Это

несогласие с желаниями и намерениями Софьи не прошло бесследно для их и без того не простых отношений.

Уже в начале декабря 1871 г. В.О. отправился на зимний семестр в Йену, где намеревался сдать экзамены по химии, зоологии, геологии за весь университетский курс и написать по-немецки извлечение из монографии об анхитерии, которую он на французском языке хотел защищать в качестве докторской диссертации. В эти годы в Йенском университете работали два выдающихся биолога-дарвиниста — Э. Геккель (знаменитый соратник Дарвина) и сравнительный анатом О. Гегенбауэр, в лаборатории которого Ковалевский занимался сравнительным изучением черепов и скелетов представителей различных классов позвоночных.

Между тем размолвка между Владимиром и Софьей продолжалась, и на Рождество и встречу нового 1872 г. В.О. не выезжал в Берлин и напряженно работал над диссертацией.

Сдача выпускных экзаменов в Йене носила довольно формальный характер, и после успешной защиты диссертации, полный французский текст которой был отправлен для публикации в Трудах Петербургской академии наук [18], в марте 1872 г. новоиспеченный доктор философии возвратился в Берлин. Здесь у В.О. Ковалевского возникла мысль о создании серии “Палеонтологических этюдов” — монографий об отдельных ископаемых млекопитающих, их происхождении и родственных связях. Начало серии было положено его монографией об анхитерии и эволюции непарнокопытных, а несколько последующих этюдов должно было быть посвящено более крупной группе непарнокопытных, современные представители которых отличаются огромным разнообразием форм: она включала быков и оленей, антилоп и жирафов, свиней и гиппопотамов и пр. Этот замысел Ковалевский успел реализовать лишь частично, опубликовав кроме этюда об анхитерии еще 4 этюда об ископаемых родах *Huopotamus*, *Anthrocotherium*, *Entelodon* и других, промежуточных между современными свиньями и жвачными [20—23].

Обильные костные материалы, необходимые для этой работы, находились в разных европейских музеях и коллекциях, и на их поиски и обработку Ковалевский отправился в большое турне. Он последовательно посетил и обследовал коллекции музеев и университетов Бонна, Берна, Лозанны, Лиона, Пюи, Турина, Британского музея в Лондоне, Парижа и Мюнхена и по мере накопления и анализа костного материала (с апреля по декабрь 1872 г.) с огромной скоростью писал и подготавливал к печати новые монографии, которые должны были печататься в ведущих научных изданиях в Лондоне и Мюнхене. Таким образом, если после отъезда весной 1869 г. из России 26-летний студент Владимир Ковалевский только приступил к систематическому изучению естественных наук в нескольких западноевропейских университетах, “нащупывая” свое будущее призвание в области наук о Земле и постепенно фокусируя

его на проблемах палеонтологии, то два года спустя он нашел для себя объект палеонтологических исследований — изучение остатков копытных млекопитающих и их эволюции, а за последующие полтора года уже достиг огромных успехов в разработке этих проблем — частично опубликовал или подготовил к печати несколько оригинальных монографий и статей, приобрел уважение ряда ведущих западноевропейских биологов-дарвинистов (Геккеля, Гексли, Гегенбауэра) и палеонтологов (Циттеля, Годри, Оуэна и др.), успешно защитил докторскую диссертацию в Йене и готовился к защите магистерской диссертации в одном из отечественных университетов. И весь этот блистательный путь занял у него менее четырех лет из скупой отведенных ему судьбой сорока лет жизни!

Приехав в январе 1873 г. в Киев, где его брат Александр был профессором и членом совета физико-математического факультета университета, В.О. обсудил с ним вопрос о том, где защищать магистерскую диссертацию [8]. Сочтя, что делать это в Киевском университете не вполне этично, они остановились на Новороссийском (т.е. Одесском) университете, где работали И.М. Сеченов, И.И. Мечников и геолог Н.А. Головкинский. Однако, к сожалению, последний в это время был за границей, и главным и единственным экзаменатором по палеонтологии и геологии стал его ученик и протеже, молодой доктор и экстраординарный профессор И.Ф. Синцов, как оказалось впоследствии, человек ограниченный и завистливый. Тем не менее Владимир Онуфриевич решил экзаменоваться у Синцова. Последний с самого начала пытался своими вопросами и унизительными мелочными придирками выявить некомпетентность В.О. Ковалевского. Однако Ученый совет счел ответы на предложенную Синцовым письменную экзаменационную тему “О мезозойских эхинодермах” удовлетворительными и принял решение, что испытание как по главным предметам, так и по дополнительному предмету (химии) Ковалевский выдержал удовлетворительно и отверг требование Синцова провести повторный экзамен. Но В.О., твердо уверенный в своем превосходстве в знании геологии и палеонтологии, сгорая сам “полез в петлю” и подал просьбу о новом устном испытании по геологии и палеонтологии, но на этом повторном экзамене Синцов, подготовив каверзные вопросы, провалил Ковалевского!

Возмущенный и оскорбленный В.О. уехал за границу, решив напечатать брошюру-памфлет об истории своего провала на одесском экзамене и приложить к ней отзывы проэкзаменовавших его выдающихся иностранных ученых. Летом 1873 г. в Вене великий Э. Зюсс написал после экзамена, что доктор Ковалевский обнаружил такие превосходные познания, высказал “столько своих собственных взглядов и выказал такую осведомленность в новейшей литературе, что я с удовольствием даю ему свидетельство в том,

что считаю его полностью и в высшей степени способным занять профессию по этим отраслям в высшей школе”. Он предложил Ковалевскому приехать на зиму в Австрию, чтобы читать курс палеонтологии позвоночных в Венском университете. Чуть раньше К. Циттель в Мюнхене засвидетельствовал: “Доктор Владимир Ковалевский подвергся у меня испытанию по стратиграфической геологии и палеонтологии, и, как на этом экзамене, так и за время длительного личного общения с ним, я убедился, что доктор Ковалевский не только обладает основательными познаниями в обеих названных дисциплинах, но и в выдающейся степени способен к научным исследованиям”.

Пытаясь преодолеть обиду, вызванную провалом на одесском экзамене, В.О. возобновил научные исследования и примирился с Софьей Васильевной, что облегчило его душевное состояние. К осени он закончил свой рассказ о перипетиях злополучного одесского экзамена и с отзывами корифеев мировой геологии и палеонтологии напечатал в виде брошюры “Заметку о моем магистерском экзамене”, удовлетворив этим свое оскорбленное самолюбие. В течение нескольких месяцев В.О. Ковалевский завершил в Мюнхене большую монографию об антракотерии [20] и обратился к Ч. Дарвину, которого считал главным и глубокопочитаемым учителем, с просьбой разрешить посвятить ему этот свой наиболее важный и обширный научный труд, на что Дарвин с благодарностью дал свое согласие. Отвечая Ковалевскому, он писал: “Посвящение, о котором Вы говорите, будет для меня очень лестно, и я смотрю на него как на высокую честь: мне ясно, что и Вам и Вашему брату предстоит большое будущее, каждому в своей области”.

В этой монографии В.О. показал, что копытные млекопитающие эоцена были всеядными, и лишь позднее, в связи с изменениями растительного покрова — пышным развитием травянистых лугов на рубеже палеогена и неогена, перешли к одному травоядению, вследствие чего их зубы приобрели форму, удобную не для кусания, а для перетирания растительной пищи. Но поскольку при перетирании травы зубы быстро изнашиваются, то среди предков копытных сохранились лишь такие формы, у которых изнашивание зубов компенсировалось их постепенным подрастанием в течение всей жизни, а для этого потребовалась огромная верхняя челюстная кость, которая выросла, отодвинув при разрастании весь череп назад, — яркий пример того, как перемена внешних обстоятельств — появление травы — отражается на царстве животных, как изменение ландшафта, т.е. экологических условий обитания, определяет ход эволюционного процесса. Эти выводы Ковалевского наглядно свидетельствуют, что он был одним из основоположников науки, впоследствии получившей название палеоэкология¹.

¹ Окончание статьи и список литературы будут опубликованы в № 2 за 2004 г.

К 250-ЛЕТИЮ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Е.Е. Милановский

В.О. КОВАЛЕВСКИЙ (1842—1883)¹

Встреча супругов в июне 1873 г. в Берлине после размолвки и годичной разлуки была для обоих долгожданной и очень нежной. В.О. писал брату: “Мы во многом не сходились с Софьей, особенно в занятиях, и пробовали, чтобы отвыкнуть друг от друга и испытать себя, не видеться целый год, но оба увидели, что мы уже так привыкли друг к другу, что едва мы можем жить розно. Что из этого выйдет, я еще не решил, но мы очень сильно привязались друг к другу и теперь, верно, не будем расставаться”. Таким образом, брак, задуманный для освобождения Софьи от “тиранической” власти родителей, начиная с этой берлинской встречи естественно превратился в действительный.

Однако берлинская встреча была недолгой, и уже через несколько дней Владимир Онуфриевич с согласия Софьи Васильевны выехал в Южную Францию, чтобы собрать материал для давно задуманного исследования о границе юры и мела, по пути он хотел посетить ряд музеев и частных коллекций для просмотра дополнительных материалов об ископаемых третичных млекопитающих. Но сильная жара, нездоровье и желание поскорее увидеться с женой сократили эту поездку, и вскоре Ковалевские встретились в Цюрихе, а оттуда проехали в Люцерн и Лозанну. Наконец, проведя две недели в Цюрихе, они расстались: Софья отправилась в Берлин к своему учителю и доброму другу Вейерштрассу, а Владимир вернулся в Мюнхен для завершения публиковавшейся отдельными выпусками монографии об антракотерии и работы над статьей “Несколько слов о границе между юрской и меловой формациями” [8]. В конце 1873 г. Ковалевские опять встретились в Берлине, где Софья завершала три исследования в области математического анализа, каждое из которых, по мнению Вейерштрасса, могло служить диссертацией. Она очень боялась публичной защиты, но ему удалось выхлопотать для любимой ученицы как весьма одаренной иностранки права на присуждение докторской степени без церемонии публичной защиты в Геттингенском университете. А В.О., задумавший написать большую работу о пресноводных отложениях мелового периода, которая могла бы стать его будущей докторской диссертацией в России, на гонорар, полученный от проф. Г.Е. Щуровского за публикацию двух своих работ в Известиях ОЛЕАЭ, отправился весной 1874 г. в большую поездку по ряду европейских музеев (Прага, Цюрих, Женева, Марсель) и на геологические экскурсии по меловым отложениям Южной Франции.

В конце лета 1874 г., закончив дела в Западной Европе, два молодых доктора философии Владимир и Софья Ковалевские с дипломами Мюнхенского и Геттингенского университетов после более чем пятилетних странствий возвратились в Россию и прежде всего навестили в имении Палибино родителей Софьи, встретивших их с распростертыми объятиями. Вскоре туда приехали старшая сестра Софьи Анна и ее муж Виктор Жаклар. Для всех молодых людей, возможно, и для стариков Корвин-Круковских это была счастливейшая пора. Больше месяца Ковалевские предавались идиллическому отдыху и наслаждались охотой, верховой ездой, домашними спектаклями, угощением с хлебосольного родительского стола.

В октябре Ковалевские приехали в Петербург. Решив, после скандального провала в Одессе, получить ученую степень магистра в Петербургском университете, Ковалевский обратился к известному профессору геологии А.А. Иностранцеву, который благожелательно отнесся к нему. К декабрю Ковалевский сдал предмагистерский экзамен, в марте 1875 г. довольно формально прошел диспут, и в итоге В.О. получил диплом “О представлении господину Ковалевскому всех прав и преимуществ, законами Российской империи со степенью магистра соединяемых”. Ковалевский получил право занимать в российских университетах должность доцента с относительно невысоким, но прочным окладом. За эти же месяцы он закончил и сдал в журнал большую работу о пресноводных отложениях мелового периода [10], а палеонтологические монографии Ковалевского, только что вышедшие из печати [11, 18], и его магистерская диссертация [7] были единогласно удостоены премии Минералогического общества.

Перед Ковалевским распахнулись двери академической науки не только в Западной Европе, где он уже приобрел известность и признание крупных авторитетов в области биологии и палеонтологии, но и в России. Но с огромной грустью и досадой приходится сказать, что с этого момента замечательный ученый, находившийся в расцвете своего таланта, чтобы укрепить материальное положение своей семьи, избрал неправильный путь и стал совершать одну за другой все более непоправимые ошибки, при этом все сильнее отрываясь от научных исследований, что через 8 лет привело его к трагическому финалу.

Все началось безобидно: вернувшись в столицу в ореоле научных успехов и заграничной известности, недавно помирившиеся Ковалевские захотели впервые

¹ Окончание статьи. Начало см. в № 5 за 2003 г.

за время совместного существования пожить в относительно комфортных условиях (в чем, впрочем, в основном нуждалась Софья, тогда как Владимир был крайне неприязнителен в быту), снять хорошую квартиру, принимать друзей, посещать премьеры и вернисажи, начать светскую жизнь, к которой была равнодушна Софья, а это требовало немалых средств. Между тем надежды на скорое получение должности доцента или хотя бы хранителя коллекций в Петербургском или Московском университете либо в музеях Академии наук скоро рассеялись. Профессор Щуровский, несмотря на благожелательное отношение к В.О., не мог в ближайшее время предложить ему постоянную работу в Московском университете, так как уже наметил в качестве преемника своего ученика Милашевича, находившегося в то время в длительной заграничной командировке, а работать в каком-либо провинциальном университете, особенно после скандала в Одессе, Ковалевский не хотел.

Вместе с тем при окончательном сведении счетов между издательством Ковалевского и книжным магазином Черкесова выяснилось, что магазин задолжал Ковалевскому 25 тысяч рублей, т.е. издательские дела Ковалевского не находились в столь плачевном состоянии, в каком он ожидал их найти. В.О. решил активизировать деятельность издательства: переиздать многотомную "Жизнь животных" Брэма в сокращенном и удешевленном, а следовательно, обещающем больший доход варианте, выпустить II том геологии Лайелля и ряд других книг, в частности 20-томную серию произведений античных классиков и пр., на продаже которых предполагал существенно заработать и таким образом обеспечить себе возможность возобновить научные исследования. По расчетам Ковалевского, реализация подобных проектов обещала быть успешной, однако, выпуская книги в долг, он не избавлялся от старых долгов, а лишь увеличивал их.

Ковалевские возобновили дружеские связи с Достоевским и завязали новые литературные знакомства с Некрасовым, Салтыковым-Щедриным, Михайловским и с видным публицистом Сувориным, который в начале своей деятельности придерживался либеральной ориентации. Суворин привлек Ковалевского к сотрудничеству в своей газете "Новое время"; постепенно оно разрослось до написания передовых статей, приобретения новой печатной техники, ежедневного редактирования очередных номеров, и к концу 1876 г. Ковалевский уже с ужасом признавался самому себе и ближайшим друзьям, что хотя и поправил финансовое положение, но совсем отбилась от любимой науки.

Чтобы окончательно не пропасть как ученый, в начале 1877 г. он ушел из редакции "Нового времени", предполагая вернуться к палеонтологии, и вскоре получил от Академии наук заманчивое предложение — организовать экспедицию на юг России для проведения палеонтологических раскопок. Однако вместо этого он при поддержке С.В. втянулся в сомнительное коммерческое предприятие, куда более

далекое от науки, чем издательская и публицистическая деятельность: Ковалевские приобрели в Петербурге, на Васильевском острове, обширный земельный участок с огромным садом и жилым деревянным домом, в который вскоре переехали. Они уговорили мать Софьи оплатить большую часть стоимости участка и развернули на нем строительство нескольких доходных домов, а затем и общественных бань. К участию в проекте Ковалевские привлекли некоторых друзей и родственников, но основную долю средств на строительство взяли в долгосрочный кредит. Настойчивые попытки А.О. Ковалевского отговорить брата от этой авантюры не увенчались успехом.

В октябре 1878 г. у Ковалевских родилась дочь Софья. Строительство между тем продолжалось, деньги у Ковалевских иссякли, долг возрос до 100 тысяч рублей. Когда в начале 1880 г. стройка подошла к концу, В.О. понял, что бани не могут принести ожидавшегося дохода. Ковалевским пришлось объявить о своей неплатежеспособности, но кредиторы поняли, что продажа всего имущества Ковалевских "с молотка" позволит вернуть не больше половины долга. В итоге было решено сдать бани в аренду, но все, что выплачивал арендатор, должно было идти на уплату процентов в банк, а почти вся выручка Ковалевских от сдачи в аренду квартир и продажи научных книг — на возвращение ссуды частным кредиторам. И это был еще сравнительно благополучный выход из той отчаянной ситуации, в которую попали незадачливые коммерсанты Ковалевские.

В марте 1880 г. В.О. отправился в Москву, чтобы обсудить с проф. Щуровским возможность получить доцентуру в Московском университете в связи с предполагаемой отставкой Щуровского. Но намерения Милашевича, другого кандидата на эту должность, оставались неясными, и Щуровский, несмотря на благожелательное отношение к Ковалевскому, не смог дать окончательный ответ. В.О. признавался своему брату в неуверенности в своих силах: "Прекратив в 1874 году систематические занятия, я страшно много перезабыл, к тому же на голову легла вся проклятая деятельность по строительству и т.д., откуда же взяться таким лекциям, которые бы пробили себе дорогу?"

Весной 1880 г. В.О. получил показавшееся ему соблазнительным предложение от нефтепромышленника В.И. Рагозина войти в число директоров (членов правления) "Товарищества по производству нефтяных минеральных масел", т.е. смазочных масел, вырабатываемых из продуктов перегонки бакинской нефти. Этим бизнесом Рагозин — образованный и энергичный предприниматель — успешно занимался уже несколько лет, а ныне существенно расширял его и реорганизовывал руководство. Согласно уставу Товарищества, директора не получали постоянного жалования, но в конце каждого года им отчислялось по десять процентов от всей прибыли, а в счет будущего жалования они имели право взять в кассе Товарищества любую сумму. Ковалевский привлек Рагозина на-

учными знаниями, владением иностранными языками и некоторым коммерческим опытом. В.О. ухватился за предложения Рагозина, как утопающий за соломинку, быстро согласился, а в мае 1880 г. на общем собрании пайщиков был избран в число директоров правления. Вскоре Ковалевский переехал в Москву.

По поручению правления В.О. привлек к химическим исследованиям нефти своих коллег — выдающихся химиков Менделеева и Морковникова. Не сомневаясь в будущих коммерческих успехах Товарищества, он соблазнил многих близких друзей и даже своего осторожного в финансовых вопросах брата на приобретение паев и сам приобретал их, чтобы закладывать, а на взятые под залог деньги покупал новые, и, как в недавнем прошлом в Петербурге, снова зажил с семьей на широкую ногу. При этом сам В.О. в быту был необычайно скромным, и, как говорила Софья Васильевна, ему нужны были лишь стакан чаю и книжка. Сама она оказалась очень заботливой матерью, и вся жизнь в доме Ковалевских была подчинена заботам о дочери, даже математические исследования были временно заброшены, однако она увлеклась, и не без успеха, литературной деятельностью.

Вскоре после переезда в Москву, в октябре 1880 года, В.О. отправился по делам Товарищества в большую поездку по Западной Европе, окрыленный приятным известием: вопрос о его избрании доцентом по кафедре геогнозии и палеонтологии Московского университета решается положительно. За несколько месяцев он посетил Берлин, Мюнхен, Прагу, Вену, Базель, Париж, Лион, Брюссель, Лондон. Помимо выполнения задач, связанных с его работой в нефтяной фирме, он побывал во многих музеях и университетах, где старые друзья и коллеги, в том числе Неймайр, Уоллес и другие, встречали его, как он писал брату, “с распростертыми объятиями яко блудного сына, вернувшегося в отчий дом геологии”, заводил новые связи, приобретал дубликаты и слепки костей и зубов позднепалеозойских и мезозойских рептилий для коллекций Московского университета, сделал несколько геологических экскурсий из Лондона и Марселя, чтобы продолжить исследование пресноводных меловых отложений — предмет будущей докторской диссертации. Но вскоре поспешил в Москву, где его с нетерпением ожидали как в Товариществе, так и в университете, и с запозданием в начале февраля 1881 г. впервые стал читать лекции по курсу геологии, которые, как он сообщил в Мюнхен проф. Циттелло, “идут неплохо”.

В марте 1881 г. Софья Васильевна с дочерью и няней отправилась в Берлин, а Ковалевский, проводив их, выехал на несколько дней в Одессу к брату. На обратном пути В.О. свалился с брюшным тифом, был вынужден прервать лекции и до конца весеннего семестра не смог закончить чтение своего курса. Из переписки видно, что С.В. очень тосковала в разлуке и не оставляла надежды на будущую встречу.

Оправившись от болезни, В.О. увлекся вопросами рационализации и удешевления транспортировки нефтяных масел. Так, он вывел, что удобнее и экономически выгоднее использовать сфероидальные бочки (в виде сплющенного шара), и решил запатентовать это изобретение, а также предложил еще несколько изобретений и довольно утопических проектов вроде подледной зимней транспортировки караванов из очень больших сфероидальных бочек по Волге. В одном из писем он писал С.В., что за эти изобретения рассчитывает получить “за бочки — миллион, за суда подледные — 2 миллиона” и т.д.

Между тем финансовое положение Товарищества, казавшееся Ковалевскому прочным, вскоре ухудшилось. Поскольку в связи с бумом в 1880—1881 гг. число пайщиков и приобретенных ими паев, как и сумма основного капитала фирмы, сильно возросло, а производство минеральных масел и общий доход Товарищества увеличились очень незначительно, то годовые дивиденды, начисленные за каждый пай, сократились в 4—6 раз по сравнению с 1879 г. В результате Ковалевский, который, став членом правления, приобрел в долг и заложил множество паев, по итогам 1880 г. получил гораздо меньший доход, чем рассчитывал, а поскольку он стал директором лишь в мае 1880 г., то получил за этот год не 10% от общей годовой прибыли, а лишь около 5%. Полученных за 1880 г. денег ему не хватило ни на покрытие долга, ни на выкуп заложенных паев, и его долги Товариществу продолжали расти. Словом, повторилась история с доходными домами и банями. Осложнились и отношения Ковалевского с Рагозиным. Владимир Онуфриевич стал подозревать его в финансовых махинациях. Насколько опасения В.О. были справедливыми — точно не установлено. Биографы Ковалевского неоднозначно оценивают коммерческую деятельность Рагозина, так, Л.Ш. Давиташвили [5] хотя и разделял недоверие к Рагозину, но, по-видимому, объективнее характеризует его. С.Б. Резник описывает его как образованного и инициативного предпринимателя, автора солидной монографии “Нефть и нефтяная промышленность России”.

В ноябре 1881 г. В.О. вновь уехал в Западную Европу по делам Товарищества. После краткой остановки в Берлине, где он встретился с С.В. и узнал, что ее научная работа протекает успешно и ей даже предложено место в Гельсингфорском университете, Ковалевский поспешил в Гамбург, Брюссель, Лондон и Париж, где вел переговоры с представителями французских акционерных компаний о возможном объединении с Товариществом в большую франко-русскую компанию по эксплуатации кавказских недр. Было заключено предварительное соглашение. Предположив, что утверждение пройдет благополучно и без его участия, В.О. решил выкроить один-два месяца для работы в палеонтологических музеях Франции, Швейцарии и Италии.

Надеясь на успешное развитие деятельности Товарищества после объединения, В.О. убеждал брата

приобрести большой пакет паев Товарищества, пока они не подскочили в цене, но когда тот из письма Мечникова узнал, что даже до Одессы дошли слухи о крупных мошенничествах в этой компании, то воздержался от покупки. Между тем состоявшееся в Москве в конце 1881 г. общее собрание пайщиков пришло к заключению, что оно остро нуждается в кредите. Рагозин сообщил, что таких средств он изыскать не в состоянии и от лица присутствующих членов правления подал в отставку. Тогда собрание избрало новый состав правления, опять-таки во главе с Рагозиным (в критический для Товарищества момент Рагозин добился от министра финансов обещания субсидии в миллион рублей, чем спас Товарищество и укрепил в нем свое положение), о Ковалевском же “забыли”.

А.О. Ковалевский тщетно убеждал брата не усугублять конфликт с Рагозиным, но В.О. уже “закусил удила” и, как писала своему деверю С.В., “точно ищет судьбу посылать на нас новые удары. Ужасно, как все это скучно и печально, а за будущее ужасно страшно”. Оставив жену и дочь в Париже почти без денег и пообещав вернуться через несколько дней, В.О. устремился в Москву и долго не подавал о себе вестей. Софья Васильевна не без оснований считала, что В.О. утратил способность объективно оценивать свое положение.

В связи с тем что В.О. сильно задержался во Франции и вернулся в университет уже в разгар осеннего семестра 1882 г., он должен был читать по 5 лекций в неделю, но голова его была занята не геологией и палеонтологией, а совсем другими делами и заботами. Он нередко сильно опаздывал к началу лекций или даже пропускал некоторые из них, чем вызывал справедливые нарекания со стороны администрации. Некоторые его лекции, возможно, самые удачные, носили характер экспромта. Так, по воспоминаниям профессора зоологии В.И. Львова, опоздав на одну из лекций, Ковалевский вошел в аудиторию с крылом вороны и, взойдя на кафедру, произнес блестящую импровизацию на тему “О развитии способности летать у позвоночных”. Но если в первом семестре он был более или менее удовлетворен своими лекциями, то в дальнейшем испытывал все большие трудности с их подготовкой и чтением, ибо с тревогой, а затем и с ужасом ощущал, что его феноменальная память и ассоциативные способности, некогда поражавшие коллег и знакомых, все больше слабеют и дают сбои, что ему становится все труднее запомнить и прочесть на лекции даже то, что он набросал в конспектах или написал ранее. В одном из последних писем к брату он признавался: “Я внутри себя не нашел ни одной научной идеи и просто не знаю, как буду работать, когда даже лекции не могу составить хорошенько”.

В личной библиотеке акад. А.П. Павлова сохранился литографированный конспект лекций Ковалевского “Геология (1881—1882)”, в котором, однако,

имеются лишь разделы, относящиеся к исторической геологии, но совершенно отсутствуют разделы по общей или динамической геологии, хотя последние входили в программу курса геологии, читавшегося ранее Г.Е. Щуровским. Можно было бы допустить, что в осенних семестрах В.О. читал курс общей геологии, а в весенних — курс исторической геологии, однако весь осенний семестр 1882 г. он посвятил палеозою, а весенний (укороченный) семестр 1883 г. — мезозою и очень краткой характеристике кайнозоя (единственная заключительная лекция). Судя по студенческому конспекту лекций за 1881—1882 гг. и по письмам, в течение двух учебных лет Ковалевский читал годовой двухсеместровый курс исторической геологии. Но не исключено, что в весеннем семестре 1881 г. (первом в его педагогической деятельности) он читал и лекции по динамической геологии, так как в его распоряжении был классический труд Ч. Лайелля “Руководство к геологии”, русский перевод которого вышел в свет под его редакцией. К сожалению, Ковалевскому не пришлось читать лекции по палеонтологии, но он выступил в Московском обществе испытателей природы с научными сообщениями “О геологическом развитии примат” и “О пресмыкающихся мезозойских образований” [17].

Наибольшим вкладом В.О. Ковалевского в развитие кафедры геогнозии и палеонтологии стали многочисленные образцы (или слепки) ископаемых остатков фауны и флоры, приобретенные им или подаренные ему зарубежными коллегами (в частности, образцы из классических местонахождений Золенгофенских сланцев в Германии и Пикерми в Греции); эти образцы существенно пополнили коллекцию кафедрального геолого-палеонтологического кабинета. В конце 1881 г. его хранителем стал А.П. Павлов, молодой талантливый ученик Г.Е. Щуровского. Наблюдая за уверенной и вдумчивой работой Павлова, В.О. не без некоторой зависти заметил: “...наверное, он способный, и его карьера ужасно нормальна: два года учительства, затем опять три года при университете и приготовление к магистерству...” [24]. Как писала В.А. Варсанюфьева [4, 57], недолгое общение с этим гениальным палеонтологом не могло не оказать влияния на А.П. Павлова, он высоко оценил труды Ковалевского и понял их значение, всегда с исключительным уважением и чувством говорил о нем и в своих лекциях подробно останавливался на его работах, предлагал изучать его классические монографии как образцы палеонтологического исследования и научного анализа.

Что касается “многих посторонних работ”, отвлекавших В.О. от деятельности в университете, то он имел в виду оформление своих патентов на изобретения в нефтяной технике, попытку создать внутри Товарищества оппозицию из числа обиженных пайщиков. В действительности все это не приносило В.О. ни лавров, ни дохода, но лишь отвлекало его от научных

исследований, от преподавания в университете и усугубляло его разорение.

Между тем некий Солодовников, служивший одно время главным бухгалтером Товарищества и уволенный за плохую работу, подал заявление в прокуратуру, обвинив правление в том, что оно заставляло его составлять ложные отчеты. Вслед за ним и некоторые пайщики стали обвинять правление в навязывании им паев. В результате возникло следственное дело "О злоупотреблениях бывших членов Правления Товарищества Рагозина и К²". Длительное и тщательное следствие по этому делу не смогло доказать виновность членов правления, а В.О. даже не допрашивали. Однако следствие скомпрометировало правление Товарищества и выявило его большие долги, что в итоге привело к финансовому краху. А лично для В.О. Ковалевского возникла угроза судебного преследования (впрочем, не состоявшегося), поскольку опрометчиво приобретенные и заложенные им паи обесценились, за ним числились значительные ссуды, а большие расходы в служебных поездках по делам Товарищества не документировались, в результате его общий долг составил 58 тысяч рублей. Слабым утешением служило то, что из доцентского жалования, составлявшего 1200 рублей в год, у него в течение года в счет выплаты долга смогут удерживать лишь 2/5, то есть 480 рублей, оставляя ему на жизнь 720 рублей в год, или по 60 рублей в месяц! Впрочем, личные расходы В.О. были незначительны, он уже давно переселился из большой комфортабельной квартиры в каморку в меблированных комнатах в доме С.П. Яковлева² в Салтыковском переулке вблизи Петровки, между Столешниковым переулком и Кузнецким Мостом.

После окончания весеннего семестра 1882 г. Ковалевский выехал во Францию и провел несколько недель у брата Александра в Марселе, намереваясь возобновить работу над докторской диссертацией. Однако из-за неприятных известий о начале следствия ему пришлось вернуться в Россию. По дороге в Москву в Париже в июле он встретился с С.В., чтобы попросить ее возвратиться в Москву, но убедился, что она не вернется. "Мы расстались дружно, но, я думаю, прочно" (и, как оказалось, уже навсегда. — *Е.М.*). — На ее месте я сделал бы то же самое, поэтому не пытался уговорить ее переменить решение, хотя мне и очень тяжело... конечно, сам виноват", — с грустью признавался он брату.

В конце июля 1882 г. В.О. отправился из Москвы в последнее и самое далекое зарубежное путешествие — в Англию и оттуда через Атлантику в Канаду и Соединенные Штаты. В Канаде он принял участие в съезде научной ассоциации натуралистов и поездках, организованных для участников съезда. В Соединенных Штатах, посещая нефтеперегонные и металлургичес-

кие предприятия, он восхищался энергией и инициативой их руководителей, размахом и прекрасной организацией производства. В Гарвардском университете он посетил знаменитого геолога Л. Агассиса, книгу которого "Геологические очерки" некогда перевел и опубликовал в Петербурге со своим предисловием, встречался с выдающимися американскими палеонтологами О. Маршем в Нью-Хейвене и Э. Копом в Филадельфии. Они находились в состоянии острой полемики и даже личной вражды, но оба испытали глубокое влияние эволюционных идей, высказанных В.О. Ковалевским в середине 70-х годов. Особенно интересным и продолжительным оказался визит к Э. Копу, который не только встретил его весьма гостеприимно и познакомил со своей обширной коллекцией костей эоценовых млекопитающих с запада США, но и разрешил взять слепки с важнейших образцов, а кроме того, подарил почти полный набор эоценовых форм, которые "в высшей мере интересны как древнейшая эоценовая фауна плацентарных млекопитающих".

Пробыв в Северной Америке два с половиной месяца, В.О. лишь в конце ноября 1882 г., опять-таки сильно опоздав к началу учебного года, вернулся в Москву. Приступив к курсу исторической геологии в университете, он снова ощутил трудности в подготовке к чтению лекций. "Сидишь целые вечера, а ничего не выходит... страница пишется час, а прочесть ее берет не более 3-4 минут; я уж вырезаю куски печатных страниц и прославляю ими свою рукопись... Стыд сказать, что мне ужасно трудно составлять лекции; и как я это читал в прошлом году, не понимаю", — исповедовался он в письме к брату в ноябре 1882 г. "Меня в последнее время преследует мысль, что такое безумие, которое обнаружено было мною во всех делах, изданиях, домах, Товариществе, доказывает какое-то абсолютное повреждение в голове и неспособность здраво обсуждать вещи. А если это приложимо к делам, то приложимо также и к науке, а следовательно, в ней я могу быть так же нелеп, как и во всем остальном. К несчастью, я думаю, что это отчасти так, и несистематичность моих занятий меня пугает. Готовясь к лекциям, прочитываю по десять раз одно и то же и все-таки не могу ничего упомянуть. Память у меня действительно ослабла, особенно на систематику, а между тем, как же быть без этого?.. Вот способен ли я вообще к научной работе, это тоже вопрос. Правда, к делам таланта еще меньше, и если уж можно, то лучше держаться за науку".

С трудом дотянув до конца осеннего семестра, В.О. собрался на зимние каникулы в Одессу к брату, чтобы отдохнуть и повидаться со своей четырехлетней дочкой, которую временно взяла к себе семья А.О. Ковалевского, чтобы облегчить жизнь и научную

² В этом трехэтажном доме ныне размещается Полиграфической техникум с маленькой учебной типографией, в которой (возможно, в той самой комнате, где В.О. Ковалевский окончил свою жизнь) в апреле 1965 г. печатался автореферат докторской диссертации автора этих строк.

работу Софьи Васильевны в Берлине. Зная, что у брата проблемы с памятью, Александр Онуфриевич настоял на том, чтобы тот заранее, еще в Одессе, подготовил конспекты предстоящих лекций по геологии мезозоя и кайнозоя.

В Москве на В.О. вновь нахлынули печальные и тревожные мысли об угрозе судебного преследования. Правда, вскоре он узнал, что, возможно, судебного преследования вовсе не будет, но бремя огромных долгов и неспособность материально обеспечить семью продолжали его угнетать, как и сознание своей неполноценности как ученого и преподавателя. Понимая, что в таком угнетенном душевном состоянии он не сможет закончить начатую уже десять лет назад монографию о пресноводных меловых отложениях и их фауне, которую предполагал представить к защите в одном из российских университетов в качестве докторской диссертации, Владимир Онуфриевич обратился к профессору А.А. Иностранцеву с просьбой высказаться о возможности защитить в качестве докторской диссертации монографию "Пресноводные отложения мелового периода" (по материалам исследований в Южной Франции), опубликованную еще в 1875 г. [10]. Увы, Иностранцев ответил, что эти исследования, по его мнению, "не могут быть приняты как докторская диссертация, относительно которой я имею право предъявить более значительные требования, в особенности для русского доктора геологии". Нельзя не признать, что А.А. Иностранцев имел серьезные основания для отказа, поскольку эта 8-летней давности работа Ковалевского по существу представляла собой лишь первую (стратиграфическую) часть монографии, вторая (палеонтологическая) часть так и не была закончена, соответственно не было и выводов, которые могли служить предметом защиты.

Ответ Иностранцева окончательно лишил В.О. стимула к дальнейшей научной и педагогической работе. Он еще более критически, порой беспощадно, стал оценивать себя в письмах-исповедях любимому брату. "Мой величайший самообман состоял в том, что я думал, что знаю то, что прочитал. Теперь же оказывается, что прочитать и даже понять прочитанное не есть еще усвоить себе все; память ослабела, и все прочитанное ушло, осталось лишь воспоминание в общих чертах: подробности же исчезли; а ведь нельзя думать научно, не имея в голове всех подробностей... Память моя так ослабла... что я вижу близко наступающее время, когда их [лекции] совсем читать нельзя будет, и что я стану тогда делать? Все, к чему готовился, разбито этим... и в будущем видно все больше и больше тяжелого. Конечно, во всем виноват я сам, неустойчивость характера, которая не дала мне тотчас по возвращении из-за границы в 1875 г., несмотря на отсутствие места, все-таки неуклонно сидеть за научными занятиями, а побудила завести разные дела для материального обеспечения в будущем; вот главная причина, приведшая меня к такому концу. Напиши Софье, что моя всегдашняя мысль была о ней и о том, как я лично виноват перед нею и

как я испортил ей жизнь, которая, не будь меня, была бы светлой и счастливой", — писал он брату [13]. "Я думал сначала, осенью, что заболел головой... Но я совершенно нормален и, конечно, здоровее головою и умом, чем был все время с выхода из училища".

С утверждением В.О. о том, что он совершенно нормален головою и умом, вполне соглашался его биограф Л.Ш. Давиташвили [5], считавший, что хотя в последних письмах к брату отражена нравственная агония загнанного в тупик человека, но ни в одном из них не видно признаков душевной болезни, хотя удары судьбы, обрушившиеся на его голову за последние месяцы, были более чем достаточными для того, чтобы убить волю к жизни и вызвать отчаяние [6]. Но старый друг В.О., доктор П.И. Бокков, к которому он обратился как к врачу осенью 1882 г., нашел, что "с ним, в самом деле, неладно", и остался, по выражению Владимира Онуфриевича, "в той же иллюзии". Но ни Л.Ш. Давиташвили, ни автор этих строк не являемся медиками, в отличие от доктора Бокова, поэтому его мнение об изменении психического состояния Ковалевского в последние годы и месяцы его жизни заслуживает самого серьезного внимания. Я думаю, что в пользу такого заключения свидетельствуют катастрофически быстро прогрессирующее ослабление его некогда изумительной памяти и повышенная мнительность, в частности маниакальный страх перед якобы неминуемым судебным преследованием, хотя репутация В.О. Ковалевского была безупречной, а его единственное "прегрешение" перед Товариществом состояло в официально оформленной денежной задолженности.

Итак, последний, московский период жизни В.О. Ковалевского (с середины 1880 г., когда он переехал с семьей в Москву, а вскоре был избран доцентом Московского университета по кафедре геогнозии и палеонтологии) начался, как и предшествующий петербургский период, с широкомасштабных коммерческих и инженерно-технических проектов, которые должны были обеспечить материальное благосостояние его семьи и создать финансовую базу для возобновления научных исследований в области палеонтологии, столь успешно начатых им в первой половине 70-х годов за рубежом. Но, увы, он опять оказался совершенно неспособным к предпринимательской деятельности, и, как справедливо писал Л.Ш. Давиташвили, "был рожден для науки и никуда не годился в качестве дельца" [5, с. 368]. Планы, казавшиеся хорошо рассчитанными и обещавшими несомненные финансовые успехи, снова оказались наивными и иллюзорными. В итоге он оказался ввергнут в огромные долги, которые в обозримом будущем был не в состоянии вернуть; его жена — С.В. Ковалевская — была также разорена и лишена состояния, унаследованного от родителей; кроме того, он, возможно, без достаточных оснований вошел в конфликт с основателем нефтяного Товарищества В.И. Рагозиным и оказался на грани судебного преследования.

Но не менее, а возможно, даже более горькая и мучительная сторона бед, постигших Ковалевского в последний период его жизни, заключалась в том, что, втянувшись в новую коммерческую авантюру, он оказался не в состоянии полноценно использовать шанс возобновить и успешно продолжить научную и педагогическую деятельность. Во-первых, слишком многое было им упущено в годы, когда, вернувшись в Россию, он оторвался от систематической научной работы и благоприятной научной среды, окружавшей его в Западной Европе в первой половине 70-х годов; во-вторых, он психологически оказался совершенно не способен совмещать предпринимательскую деятельность с систематической научно-педагогической работой в университете и в результате не преуспел ни в том, ни в другом. Фазы эмоционального подъема, даже эйфории от предвкушения успехов постепенно становились у В.О. все короче, а периоды депрессий — все длительнее и глубже. В эти моменты в письмах к брату В.О. анализировал свою жизнь и занимался самобичеванием, рассматривал свою предпринимательскую деятельность как нагромождение ошибок, принесших ему и его семье только беды, огорчения, разорение и, в сущности, разрушивших его семейную жизнь.

В последнюю из таких фаз, в начале февраля 1883 г., он принял решение добровольно уйти из жизни и даже наметил дату — 1 февраля, но отложил исполнение (возможно, чтобы завершить чтение курса исторической геологии). Но в ночь с 15 на 16 апреля (по старому стилю) свел счеты с жизнью. Впрочем, даже в течение апреля, как можно видеть из ряда его исповедальных писем к своему другу и брату, он колебался в осуществлении этого рокового шага. В предсмертном письме к нему он писал: «Когда я подумаю о длинной цепи бездарных поступков в своей жизни, то, право, мороз по коже продирает, и все дурное вытекало одно из другого. Безумное метание по свету, неусидчивость в начатом труде, все это и привело к тому печальному результату, в котором я нахожусь... Прощай, дружок дорогой, скоро напишу еще...» Его письмо к Юлии Лермонтовой состояло лишь из одной фразы: «Простите, не мог иначе». В письме к М.А. Боковой — жене И.М. Сеченова — он прощался со своими верными друзьями и спрашивал, не желали бы они взять его дочку на воспитание. Наконец, в предсмертном письме к давнему приятелю А.И. Языкову главной причиной такого решения, которую он просил обнародовать, чтобы очистить свою честь, назвал расстроенные дела: «...но я перед смертью заявляю, что в течение всего моего директорства не сделал ничего сознательно недобросовестного; моя вина состояла лишь в том, что я, полагаясь на успех дела, неосторожно покупал пай, занимая деньги на это у родных и знакомых, а частью в кассе самого Товарищества».

Думается, однако, что эта версия мотива самоубийства Владимира Онуфриевича — не единственная и не самая главная: она нужна была, чтобы защитить свою честь и по возможности избавить

С.В. Ковалевскую от каких-либо ущемлений ее имущественных прав в случае обвинения его в растрате. Но более серьезной причиной, как мне кажется, было осознание им того трагического тупика, в котором он как замечательная и даже гениальная творческая личность, как считали многие выдающиеся его современники и последователи (Годри, Осборн, Долло, Абель, Павлов, Борисяк, Варсанюфьева, Давиташвили и др.), оказался после длительного перерыва в своей научной деятельности, когда стала давать сбои и практически отказала его память, когда он понял, что не сможет оправдать ни надежд, ни упований, которые возлагал на него Г.Е. Щуровский.

Итак, в ночь на 16 апреля 1883 г. Владимир Онуфриевич Ковалевский, запершись в своей комнате, добровольно ушел из жизни. Газета «Московские ведомости» сообщала: «...прислуга, обнаружившая утром, что дверь одного из номеров заперта изнутри, а жилец — титулярный советник, доцент Московского университета Ковалевский на стук не отзывается, дала знать об этом полиции. Дверь была взломана. Оказалось, что Ковалевский лежал на диване одетый, без признаков жизни; на голове у него был надет гуттаперчевый мешок, стянутый под подбородком тесемкой... против носа в мешке было сделано отверстие, в которое вставлена шейка стеклянной банки, обвязанной по краям; в банке лежало несколько кусков губки, пропитанной, по-видимому, хлороформом, который покойный, вероятно, вдыхал». Правление университета приняло расходы по погребению на свой счет, так как покойный «не оставил средств и родных его нет в Москве». Книги и одежда В.О. были проданы с аукциона.

Известие о трагической смерти мужа ошеломило Софью Васильевну. Пять дней она провела, отказываясь от пищи, временами лишаясь сознания, горько оплакивая В.О., которого искренне любила, хотя и покинула его в самую трудную пору его жизни, когда он мучительно разрывался между наукой и предпринимательством. В конце лета 1883 г., через 4 месяца после ухода В.О. из жизни, несколько оправившись от перенесенного потрясения, С.В. Ковалевская, добившаяся к этому времени больших успехов в своих математических исследованиях и получившая приглашение стать профессором Стокгольмского университета, приехала в Москву, чтобы привести по возможности в порядок дела покойного мужа и имущественные дела их семьи, убедить юристов, ведших следствие по делу рагозинского Товарищества, в безупречной честности Владимира Онуфриевича, защитить его имя от необоснованных подозрений. Она поставила на его могиле надгробный памятник с эпитафией-четверостишием: «И вдруг душа твоя, как радость, обрела покой, каково в жизни нет земной, покой небытия».

В 1889 г., уже будучи ученым с международным именем, С.В. Ковалевская была избрана членом-корреспондентом Петербургской академии наук и стала первой женщиной, удостоенной на своей родине

этого высокого звания. Но дальнейшая ее жизнь, хотя в ней были и слава, и литературные успехи, не была ни достаточно счастливой, ни продолжительной, она

скончалась, как и Владимир Онуфриевич, на сорок втором году жизни от воспаления легких в 1891 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анучин Д.Н.* В.О. Ковалевский / Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. М., 1896. С. 324—336.
2. *Боборыкин П.Д.* Воспоминания. Т. 1—2. М., 1965.
3. *Борисяк А.А.* В.О. Ковалевский, его жизнь и научные труды. Л., 1928.
4. *Варсанофьева В.А.* Алексей Петрович Павлов и его роль в развитии геологии. М., 1941. 348 с.
5. *Давиташвили Л.Ш.* В.О. Ковалевский. М.; Л., 1946.
6. *Ковалевская С.В.* Воспоминания и письма. М., 1951.
7. *Ковалевский В.О.* Osteologia Anchitherium auerelianense Cuv. как формы, выясняющей генеалогию лошади (Equus). Рассуждение для получения степени магистра по геологии и палеонтологии. Киев, 1873.
8. *Ковалевский В.О.* Несколько слов о границах между юрской и меловой формациями и той роли, которую могут играть юрские отложения России в решении этого вопроса // Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1874. Т. 14. С. 41—75.
9. *Ковалевский В.О.* Краткое и предварительное сообщение об ископаемых копытных // Там же. С. 35—132.
10. *Ковалевский В.О.* Пресноводные отложения мелового периода // ЗМО. 1875. Т. 10. С. 32—132.
11. *Ковалевский В.О.* Osteология двух ископаемых видов из группы копытных // Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1875. Т. 16, вып. 1. С. 1—59.
12. *Ковалевский В.О.* Собрание научных трудов в трех томах. М., 1950, 1956, 1960.
13. Из переписки В.О. Ковалевского / Публ. С.Я. Штрайха // Научное наследство. Т. 1. М., 1948.
14. *Милановский Е.Е.* Щуровский и возникновение геологической школы Московского университета (1835—1880) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 4. Геология. 2003. № 3.
15. *Павлов А.П.* Полвека в истории науки об ископаемых организмах // Вопросы науки, искусства, литературы и жизни. 1897. № 9. С. 1—88.
16. *Резник С.Е.* Владимир Ковалевский (трагедия нигилиста). Жизнь замечательных людей. Вып. 5 (57в). М., 1978.
17. Речь и отчет, читанные в Торжественном собрании Императорского Московского университета 12 января 1883 г. М., 1883.
18. *Kovalevsky V.O.* Sur l'Anchitherium auerelianense Cuv. et sur l'histoire paleontologique des chevaux // Mém. Acad. Sci. Petersb., 1873. (VII) XX, N 5. P. 1—73.
19. *Kovalevsky V.O.* On the Osteology of the Hyopotamidae // Proc. Roy. Soc. L., 1873. Vol. 21. P. 147—165.
20. *Kovalevsky V.O.* On the Osteology of the Hyopotamidae // Phil. Trans. Roy. Soc. L., 1874. Vol. CL XIII. P. 19—94 (6 plates).
21. *Kovalevsky V.O.* Monographie der Gattung Anthracotherium Cuv. und Versuch einer naturlichen Classification der fossilen Hufthiere // Palaeontographica. 1873—1874. Vol. XXII, lief. 3—5. P. 131—346 (II Taf).
22. *Kovalevsky V.O.* Osteologie des Genus Entelodon Aym // Ibid. 1876. Lief. 7. P. 415—450 (3 Taf).
23. *Kovalevsky V.O.* Osteologie des genus Gelocus Aum // Ibid. 1887. Vol. XXIV. Lief. 5. P. 145—162 (2 Taf).
24. *Pavlov A.P.* Notes au l'histoire geologique des oiseaux // Bull. Soc. Imp. des Natur. de Moscou. 1884. T. LX, N 3. P. 100—123.

Поступила в редакцию
10.03.2003